

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Еда, животные и другие формы
жизни в книгах
Льюиса Кэрролла об Алисе

Цель: ознакомиться с анализом Майкла Пэрриша Ли произведений Льюиса Кэрролла об Алисе, осуществленном им в рамках исследований человека и животных.

Ключевые слова: животное, сеть, вещь, еда, теория вещей, акторно-сетевая теория.

В данной лекции мы рассмотрим пример анализа художественного произведения, осуществленного в рамках исследований человека и животных. Этот анализ осуществлен Мишелем Парришем Ли, и объектом его исследований стали произведения Льюиса Кэрролла об Алисе.

Мишель Парриш Ли преподает литературу XIX века, теорию повествования и исследования животных в Ноттингемском университете. В предлагаемом к ознакомлению эссе «Съедобные вещи: еда, животные и другие формы жизни в книгах Льюиса Кэрролла об Алисе» он применяет теорию вещей, акторно-сетевую теорию и теорию исследований животных.

Еда

О чем может поведать Утка, персонаж «Приключений Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла (1865), которая объединяет вещи с животными и едой? Утка определяет себя решительно как «я» посредством одновременного владения знаниями и статусом едока: «Я прекрасно знаю, что такое «это», когда я его нахожу, – сказала Утка, – это обычно лягушка или червяк» (здесь и далее цитируется в переводе В. Заходера). Однако, отмечает Ли, Утка, как съедобное животное, находится в той же пищевой цепочке «этих» и «вещей», на которых, по-видимому, основывается ее субъективность. Хотя, в какой-то мере, это обман себя, и вещи вписываются в онтологию «теории вещей», где «вещи кажутся немного человеческими, а люди кажутся немного похожими на вещи». Эти животные-вещи в «Приключениях Алисы» намекают на антропоморфизм, скрывающийся в теории вещей. Разумеется, теория вещей породила некоторые увлекательные дискуссии об оживленности вещей, но когда мы расширяем дискуссию до съедобных вещей, мы обязаны воспринимать «жизнь» вещей более буквально и серьезно относиться к их материальности и выживанию. Более того, мы обнаруживаем, что область вещей теперь расширяется, чтобы включать в себя не-человеческих животных, те вещи, которые часто едят в точке контакта между агентом и объектом. Пытаясь расширить исследование вещей за пределами дихотомии человек/вещь, эссе Ли опирается на акторно-сетевую теорию Бруно Латура, чтобы исследовать переплетение людей, предметов, животных и appetites, которые порождают столько чудес в книгах Льюиса Кэрролла об Алисе.

М. П. Ли утверждает, что эти тексты пытаются примирить викторианскую дестабилизацию дискретных «человеческих» и «животных» категорий, упрощенных эволюционной теорией, со все более коммодифицированной культурой, где всё и все кажутся потенциально потребляемыми. Кэрролл представляет мир, который является полностью социальным и полностью объективированным, где люди, животные и объекты обмениваются, делятся и борются за позиции в сети съедобных вещей.

М. П. Ли усложняет теорию вещей, включая еду в мир не-человеческих животных. Для этого необходимо упомянуть два основных направления в размышлениях о вещах, которые определены в текущих литературных исследованиях. Во-первых, это хайдеггеровская модель теории вещей, наиболее четко представленная Биллом Брауном и выражающаяся, по словам Джонатана Лэмба, в «разнице между объектами, которые служат человеческим целям, и вещами, которые этого не делают».

Чтобы отличить кажущийся редуцированным «объект» от более сложного или даже возвышенного, «предметные» теоретики пытаются удалить вещь из любого вида круговорота или обмена, который кажется капиталистическим или человеческим.

Только ускользая из сферы человеческого обращения, эти вещи становятся самими собой. Ли предполагает, что особое внимание теории вещей к уникальности и изменчивости последних приводит к тому, что она (теория) упускает из виду сетевые структуры, которые воздают вещи, те системы, которые викторианцам, одержимым межвидовыми

отношениями Ч. Дарвина, трудно было игнорировать. Важно помнить, что викторианский подъем товарного капитализма совпал со временем обнародования эволюционной теории, когда размышления по поводу отношений между людьми и объектами были связаны с размышлениями о переплетениях между людьми и другими жизненными формами. Согласно Эндрю Х. Миллеру, вместе с триумфом капитализма в середине викторианской эпохи возникла обеспокоенность тем, что «социальный и моральный мир сводится к складу товаров и вещей, витрине, в которой люди, их действия и их убеждения были выставлены для экономических appetites других».

И, как отмечает Нэнси Армстронг, «объекты» в «Приключениях Алисы в стране чудес» не являются ни инертными, ни безмолвными». Но для Кэрролла, в разгар споров об эволюционной теории Дарвина, опыт этого мира не мог быть отделен от телесных appetites биологической «борьбы за жизнь» между существами, объединенными сетью сложных отношений», где «все питаются друг другом». Для Кэрролла капиталистический круговорот был не просто вопросом владения и собственности; это также было связано с удивительными межвидовыми отношениями, в которых все стороны могут обмениваться ролями субъекта, объекта, хищника и жертвы. В книгах об Алисе быть вещью – не значит переступить границы круговорота, взаимного соединения или состояния потенциального использования или потребления другими; скорее, это значит быть частью таких сетей, когда эти сети выходят за пределы человека.

Хотя в теории вещей последние существуют как «независимые» и «самодостаточные», книги об Алисе дают нам вещи в сетях, но сетях, которые имеют полезность вне человека. Еда, как предполагает Ли, – это путь в эти сети.

Что это за еда? По словам Э. М. Форстера, «еда в художественной литературе в основном социальная. Она собирает персонажей вместе, но редко нужна им физиологически, они редко ей наслаждаются». Утверждение Форстера указывает на то, как британские романы XIX века «часто скрывают материальную сторону еды, связанную с телесным аппетитом и чувственным удовольствием, в пользу лишь варианта еды» более чистого или, если брать уже, «социального». Льюис Кэрролл, однако, сосредоточился на детстве и полностью проник в слияние субъекта/объекта, вызванное зарождающейся товарной культурой и сокращением дистанции между человеком и животным, намеченным эволюционной теорией. Кэрролл взламывает традиционную социальную среду романа, чтобы обнаружить мир, который населен и оживлен продуктами питания и процессами употребления пищи, которые в противном случае могли бы функционировать как фон, символы или устройства структурирования. Алиса попадает в мир, который делает ее уверенной в том, что «стоит мне что-нибудь съесть или выпить, обязательно случится что-нибудь интересное». Следуя примеру Алисы, критики текстов Кэрролла всегда уделяют большое внимание вопросам еды и питья.

«Приключения Алисы в Стране Чудес» и «Алиса в зазеркалье, и что она там нашла» открывают пространство, в котором еда и процесс принятия пищи перестают быть фоном, символом или неким пустым сосудом, служащим для заполнения ранее существующего социального содержания. Вместо этого Кэрролл предлагает нам возможность увидеть социальную самость того, что мы и другие собираемся, по крайней мере, частично, есть, – и так же, как это не парадоксально, самость того, что объединено понятием еда.

Итак, прежде всего, еда в «Алисе» социальная. Пища – это не просто объект, используемый социальными субъектами. Предвосхищая теоретизацию еды Джейн Беннет как формы «воздействия», продукты в «Приключениях» являются сородичами человеческого характера: «это от перца люди делаются вспыльчивыми, а от уксуса делаются кислые, а от хрена сердитые, а вот от конфет-то дети становятся ну просто прелесть».

Более того, Кэрролл создает мир, в котором субъекты и объекты существенно различаются и где всё и все потенциально находятся в меню. Для Кэрролла еда – это социальная вещь, вещь, которая связывает и социализует. Например, в самом начале «Приключений» Алиса пьет из бутылки с надписью «Выпей меня» и ест пирог, «на котором изюминками была выложена красивая надпись «Съешь меня». Эти продукты функционируют частично как объекты и как субъекты. Их можно собирать и потреблять в виде предметов, но они также делают запросы, что делает их частичными агентами собственного потребления. Ли говорит «частичные» агенты, потому что Алиса, которая ест и пьет их, также должна быть

частичным агентом их потребления. Но сами акты проглатывания, которые могли бы, по-видимому, обеспечить статус Алисы как потребляющего субъекта над и против потребляемых объектов, делают Алису объектной, превращая ее в инструмент, через который продукты питания реализуют свое потребление. Такое потребление также заставляет Алису испытать себя как объект: «Теперь из меня получается не то что подозрная труба, а целый телескоп!». Таким образом, встреча Алисы и съестных средств заставляет каждую сторону существовать и одновременно перетекать из положения субъекта в положение объекта, становясь сверхъестественными «вещами», но едва ли независимыми или самодостаточными. Они становятся вещами посредством ассоциации и сотрудничества, когда действуют вместе как частичные агенты, частичные объекты для формирования сети потребления. В «Алисе» никто не ест в одиночку.

Еда для Кэрролла – особенно яркое пересечение нескольких воздействий, сходное с теорией действия, выдвинутой Бруно Латуром. Действие, говорит Латур, «непрозрачно» и «не делается под полным контролем сознания; скорее всего, нужно воспринимать его как узел, узел и конгломерат многих удивительных наборов воздействий» или «актеров», образующих «сеть актеров». В приведенном выше примере Алиса формирует сеть со следующими актерами:

1. Напиток «Выпей меня», состоящий из бутылки и жидкости внутри, который полагается на то, что Алиса выпьет его. Алиса пьет, и ее рост уменьшается.

2. Торт «Съешь меня», который полагается на то, что Алиса выпьет напиток, ее рост уменьшится до такой степени, чтобы она смогла найти торт под столом, а затем, съев его, снова вырасти. Но по мере роста Алисы эта сеть расширяется и включает в себя еще одну пару актеров.

3. Ноги Алисы. После того, как Алиса съела торт, она выросла и теперь ощущает свои ноги как отдельных актеров, говоря им «Прощай», удивляясь: «Кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли?». Она сетует на них и собирается с ними распрощаться, но потом перебивает себя: «Не надо с ними ссориться, а то они не будут меня слушаться» и размышляет об отправке им по почте подарков.

Потребление предметов «Выпей меня», «Съешь меня» драматизирует Алису как актора, собирающего, разделяющего и перестраивающего через свое включение других актеров, которые сами по себе связаны, переконфигурированы при их глотании и переваривании Алисой. Актеры Латюра обладают большей онтологической гибкостью, чем обычные объекты или вещи теории вещей. Ими могут быть люди, животные, предметы, концепции, а в случае с Алисой – продукты питания и части тела. Но с такими разносторонними актерами, находящимися под рукой, зачем вообще заниматься «вещами»? Во-первых, Ли отмечает, сам Кэрролл довольно часто и творчески использует термин «вещь». Во-вторых, хотя книги об Алисе предвосхищают чувство множественности Латюра и чувство «вывихнутой» природы воздействия, вещи Кэрролла являются актерами, оказавшимися в процессе особого представления предметов, людей и животных, обменивающихся позициями – актерами.

Кэрролл заземляет литературную форму и повествует не просто о теле, а о потенциально анималистической области телесного аппетита. Сеть Алисы, предметов, персонажей, съестных материалов и текста представляет собой формирующий литературный интерес – аппетит, который здесь функционирует не как демонстрация сущности, а как телесный вектор связи с разнородными вещами в расширении социальной сферы Кэрролла.

Мы видим более показательный пример социальной жизни продуктов питания ближе к финалу «Зазеркалья», когда Алиса посещает церемонию коронации, где она должна быть официально признана королевой, что, безусловно, является свидетельством того что она занимает верхнюю позицию в пищевой цепи «Зазеркалья». Но, как отмечает Сара Гайер, «пир ведет к радикальному и повсеместному распаду разделения человека и не-человеческого», а потенциальные объекты потребления превращают столы в своих потенциальных потребителей. Алису «представляют бараньему Боку», который «поднялся с блюда и поклонился Алисе; когда Алиса сообщила о своем желании отрезать кусок мяса, Черная Королева возмутилась: «Как можно? Вас только что познакомили, а вы на него уже с ножом» (здесь и далее «Зазеркалье» в переводе Н. М. Демуровой). Когда она отрезает кусочек пудинга, тот говорит «густым и тихим голосом»: «Что за дерзость! Интересно, что бы ты сказала, если бы я отрезал от тебя кусок!».

Вскоре потребители и объекты потребления обмениваются позициями – баранья нога, сидящая на стуле Белой Королевы, и Белая Королева «исчезающая в супе», гости «лежащие на тарелках», и половник «поднимающийся вверх по столу к стулу Алисы и нетерпеливо призывающий ее уступить ему дорогу».

Животные

Помимо свидетельства эволюционных теорий, которые размыли границы между людьми и животными, XIX век видел ускоренную объективацию животных с появлением зоопарков, реалистичных игрушечных животных и коммерческого распространения изображений животных.

В книгах об Алисе животные часто занимают позиции предметов для использования и потребления, одновременно затрудняя свою роль в качестве объектов посредством собственного анимализма в мире, где животные часто командуют субъектом. Как мы видели, «вещи», которые обозначает Утка, – это животные, которые оно – другое животное – рассматривает как съестные. Дама червей описывает черепаху как «вещь, из которой изготовлен черепаший суп».

Тем не менее, более неуловимые вещи, похоже, тревожат этот мир животных объектов в магазине «Зазеркалья», управляемом Овцой: всякий раз, когда Алиса пристально смотрела на любую полку, чтобы определить, что на ней, эта полка всегда оказывалась пустой. Вещи скрывались от взгляда Алисы, избегали контакты с ней. Эта сцена, кажется, представляет вещи в их самом хайдеггеровском стиле. Вещи кажутся невероятно живыми именно в их способности уклоняться от категоризации и использования, в их последующей способности передавать Алисе некую вещественность. Поскольку Алиса вертится в попытке увидеть эти вещи, Овца спрашивает, является ли она «верхушкой», что обозначает ее как объект, вещь.

То, что побуждает «любопытство» Алисы о «Белом Кролике», – это его карман на жилете и часы, т. е. объекты для человеческого использования, которые делают Кролика новой вещью, размывающей границы между человеком и животным. Ответ Алисы на эту вещь в том, чтобы размыть границы ее собственного вида и перейти к довольно хищнической анималистической деятельности по преследованию кролика в норе.

Сеть акторов, которую мы начали отслеживать в предыдущем разделе, теперь становится более сложной. Еще до того, как Алиса контактирует с напитком «Выпей меня», она формирует сеть, состоящую из нее и Кролика. И пока она теряет Кролика из вида во время ее взаимодействия с пищей и напитками, Кролик появляется вновь, чтобы помочь размножить акторов. В нашем предварительном списке: 1. Напиток «Выпей меня», 2. Пирог «Съешь меня» и 3. Ноги Алисы. Теперь мы можем добавить следующее:

1. Белый кролик. Начальная животная вещь, которую Алиса преследует в кроличьей норе; 2. Мейбл. После роста и повторной встречи с Белым Кроликом у Алисы кризис идентичности, и она больше не может сказать, является ли она собой или кем-то еще. Она задается вопросом: «Кто я сейчас такая?»; 3. Маленький крокодил; 4. Маленькие рыбы.

Кризис идентичности Алисы и невозможность точно помнить «вещи», которые она «знала», открывают еще одно измерение вещей в Стране Чудес. Она рассказывает Червяку, что «я – это не я... какая-то не такая» из-за того, что она меняется в размере и что она не может вспомнить вещи, которые когда-то использовала. Чувство самоощущения Алисы, таким образом, зависит от вещей: съедобных вещей, которые меняют ее рост, и «вещей», которые она даже не может вспомнить.

Таким образом, текст экспериментирует с моделью идентичности, которая основана не на человеческой индивидуальности или совокупности знаний, но на настройке воспоминания: причастности в сборке разнообразной сети акторов, включая животных и продукты.

Ли утверждает, что наиболее важными «вещами» в книгах об Алисе являются ее кошки. Ауэрбах указывает, что Чеширский кот является «единственным существом в Стране чудес, которое Алиса называет своим «другом», и предполагает, что он «единственная фигура, кроме Алисы, которая охватывает всех остальных». Но даже Ауэрбах, считает Ли, недооценивает

центральную роль, которую играют кошки Алисы в структурировании мира Страны Чудес. Вместо того, чтобы заставить животное встать на сторону человека, Кэрролл исследует межвидовую модель идентичности, в которой люди и животные являются сотворцами и посредниками друг для друга, заимствуя, кормя и защищая друг друга.

Путешествие Алисы через Страну Чудес, таким образом, развивает модель бытия, в которой идентичность – менее фиксированная сущность, чем позиция в пищевой цепи. В этой связи показательна встреча Алисы с Голубем, которая доказывает, что вопросы фиксированной идентичности вторичны по отношению к вопросам относительно того, кто и что ест. Голубь идентифицирует Алису как «змею», пытающуюся украсть ее яйца. Протесты Алисы и попытка объяснить Голубю то, что она – «маленькая девочка», а не змея, оказываются неубедительными. Голубь замечает, что если «маленькие девочки едят яйца так же, как и змеи», то девочки – это своего рода змеи. Это понятие становится такой новой идеей для Алисы, что она молчала минуту или две. Если молчание Алисы свидетельствует о некотором признании ее роли в качестве анималистского едока, тогда мы должны признать, что такая роль просто обозначает Алису не как отдельного потребителя, а как узел в межвидовой сети потребления.

Вместо «системы персонажей» или «матрицы распределения», в которой «отдельное изображение какого-либо конкретного человека переплетается с постоянным распределением внимания к различным персонажам», Кэрролл создает замысловатые межвидовые сети, собирающие и разбирающие то, чем люди, объекты и животные обмениваются, делятся и создают новые связи. Вымышленное «пространство» в этих текстах не может подчиняться человеку или отображать антропоцентристскую позицию; вместо этого не-человеческие территории вещей и животных распространяются и ниже, и выше обычных пределов пространств читательского внимания. Формирование сетей Страны чудес – это тела животных и аппетиты, которые привлекают нас не просто как читателей, а как социальные вещи, составляющие пищевую цепочку.

Вопросы для закрепления темы:

1. Каким образом в анализе М. П. Ли преломляются теория вещей, акторно-сетевая теория и теория исследований человека и животных?

Литература:

1. Miller H. Andrew. *Novels Behind Glass: Commodity Culture and Victorian Narrative*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
2. Armstrong Nancy. *The Occidental Alice// Contemporary Literary Criticism: Literary and Cultural Studies, Fourth Edition*. – New York: Longman, 1998.
3. Forster E. M. *Aspects of the Novel, and Related Writings// The Abinger Edition of the Works of E. M. Forster*. – Vol. 12. – London: Edward Arnold, 1974).
4. Latour Bruno. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. – New York: Oxford University Press, 2005.
5. Guyer Sara. *The Girl with the Open Mouth: Through the Looking Glass*. – Angelaki. – 2004, 9. – № 1.
6. Brown Bill. *A Sense of Things: The Object Matter of American Literature*. – Chicago: University of Chicago Press, 2003.
7. Auerbach Nina. *Alice and Wonderland: A Curious Child*. – *Victorian Studies*. – 1973. – 17.
8. Woloch Alex. *The One vs. the Many: Minor Characters and the Space of the Protagonist in the Novel*. – Princeton: Princeton University Press, 2003.